

за последнюю четверть вѣка призналъ англійскій языкъ, считавшійся имъ до тѣхъ поръ несравненно низшимъ относительно двухъ другихъ арійскихъ языковъ, на которыхъ ни одинъ изъ нихъ не могъ говорить и на которыхъ вообще они не выучивали своихъ учениковъ бѣгло читать даже послѣ ежедневныхъ уроковъ съ восьми до 18 лѣтъ. Слѣдовательно, мало надежды на широкое изученіе русскаго языка въ Англіи. Англичане, что довольно странно, считаютъ себя дурными лингвистами, а русскихъ—хорошими, хотя каждый англичанинъ, живущій въ Індіи, научается одному или двумъ туземнымъ языкамъ и считаетъ это ни во что. По заключенію англо-русскаго соглашения должно положить начало устраненію нѣкоторыхъ изъ этихъ затрудненій. Бюро поѣздокъ, которое было бы въ состояніи дать возможнымъ путешественникамъ нѣкоторую гарантію русскаго правительства отъ личныхъ затрудненій вслѣдствіе существующей въ Россіи полицейской системы, вѣроятно, весьма способствовало лучшему взаимопониманію между обѣими странами. А пока самый фактъ, что оба правительства пришли къ нѣкоторому соглашенію, является уже перемѣной въ лучшему, значеніе которой не слѣдуетъ преуменьшать. Соглашеніе измѣняетъ толь и настроеніе каждой изъ двухъ странъ по отношенію къ другой, а въ международныхъ, какъ и въ частныхъ, отношеніяхъ настроеніе и точка зрѣнія—все. Нѣкоторое расположеніе можетъ превозмочь всѣ препятствія, безъ него непреодолимыя.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ТАРАНЧЕЙ И КУЛЬДЖИНСКІЙ СУЛТАНАТЪ.

(Разсказъ внука неіаго таранчинскаго султана).

О происхожденіи таранчей и объ образованіи ими въ долину р. Или собственнаго султаната, внукъ перваго кульджинскаго султана (Абдрасуля), нынѣ покойный Абдуль Басидъ Юсуповъ, разсказываетъ своимъ знакомымъ слѣдующее:

— „Во второй половинѣ XVIII столѣтія (обзоръ Семирѣченской области за 1883 годъ указываетъ 1758 г.) китайцы переселили изъ Учъ Турфана (Кашгарія) въ кульджинскую долину 6000 семействъ кашгарскихъ сартовъ, съ специальною цѣлью обратить ихъ въ земледѣльцевъ, обязанныхъ сѣять въ мѣстахъ расселенія хлѣбъ, потребный для прокормленія 6000 солдатъ—манджуровъ, содержащихся китайскимъ правительствомъ въ той же долинѣ. Переселеннымъ такимъ образомъ кашгарцамъ китайское правительство выдало въ видѣ совершенно безвозвратной ссуды: хлѣбныя сѣмена для посѣвовъ, по два быка на семейство и по 12 ланъ (лана составляетъ около 2 р.) серебра. При этомъ переселенцы получили оффиціальное названіе: „таранчи“, что буквально обозначало людей, занимающихся земледѣліемъ. Каждое семейство обязано сдавать ежегодно въ китайскую казну по 12 хо (48 пуд.) пшеницы.

„Таранчи“ эти были расселены въ Кульджѣ и селеніяхъ: Ялату, Арустанъ, Хонохай, Корго, Чулукай, Кашъ, Сиптай, Ула тай, Гольджатъ, Кетменъ, Ошнахо и Дабунъ. На жителей послѣдняго

селенія была возложена обязанность окарауливать долину рѣки Или съ запада отъ ожидавшихся „набѣговъ“ со стороны русскихъ. Управленіе всеѣми таранчами было сосредоточено въ рукахъ изъ раннаго китайцами почетнаго таранчи, называвшагося *хакимбекомъ*, который одинъ и отдавалъ китайцамъ отчетъ о жизни таранчей. Въ вознагражденіе за свою службу *хакимбекъ* получалъ отъ китайцевъ по 300 ланъ серебра въ годъ и, сверхъ того, имѣлъ право облагать въ свою пользу единомышленниковъ въ такомъ количествѣ, какое только они въ состояніи выдержать. Власть *хакимбека* была огромная: онъ имѣлъ право не только подвергать личному задержанію любого изъ своихъ соплеменниковъ, безъ всякаго слѣдствія и суда, но могъ лишать ихъ имущества и жизни, когда и за что ему вздумается—жалобъ на его дѣйствія китайцы не принимали. Въ помощь себѣ *хакимбекъ*

избиралъ, преимущественно, изъ своей родни: *ишкага* (помощникъ), *шанбеги* (казначей) и *мурабъ* (чиновникъ для порученій). И *хакимбекъ*, и *ишкага*, и *шанбеги* и *мурабъ*, хотя и были мусульманами, но обязаны были носить китайскія косы. Прочее таранчинское населеніе, называвшееся вообще китайцами „чанъ-ту“, косы носить права не имѣло. Мало того, хотя мусульманская религія таранчей китайцами не притѣснялась, но мусульмане были лишены права носить на головахъ чалмы *)“.

„Такъ дѣло тянулось вполне „мирно“, если не считать по нѣсколько сотъ исчезавшихъ таран-

чинскихъ головъ, сж годно срубавшихся съ плечъ то китайцами, то „уважаемыми“ *хакимбеками*, вплоть до неудачной для Китая войны съ французами. Известно, что за время этой войны китайское правительство порядочно таки поистратилось и вынуждено было даже прекратить, на время, конечно, высылку жалованья войскамъ кульджинской долины. По этимъ, какъ я думаю, причинамъ оно возвысило налогъ съ таранчей пшеницы до 32 хо (128 пуд.) съ семейства и прибавило къ этому повышенному налогу еще взысканіе одного барана съ каждого семейства. Кромѣ того, на таранчей было возложено поставлять, въ видѣ натуральной повинности, для войскъ кульджинской долины предметы отопленія и освѣщенія и, сверхъ того, солому для подстилки“.

„Число таранчинскихъ семействъ возросло къ этому времени уже до 8000 и новый режимъ легъ на всехъ всюю своею тяжестью. Само собою понятно, что въ самое короткое время за таранчами образовались крупныя недоимки по всеѣмъ видамъ натуральной повинности. Китайцамъ пришлось переложить недоимки на денежную ихъ стоимость. *Хакимбеки* изворачивались и, конечно, прижимали своихъ земляковъ. Недоимщики отдавались въ работники къ китайцамъ и къ проживавшимъ въ кульджинской долинѣ дунганамъ, которые по разнымъ причинамъ жили гораздо состоятельнѣе таранчей. Въ нашемъ народѣ стали появляться признаки плохо сдерживавшагося неудовольствія“.

„Въ 1765 году кульджинскіе китайцы неожиданно напали на проживавшихъ въ крѣпости Тарджи

*) Чалма—головной уборъ у мусульманъ изъ куска какой-либо ткани, преимущественно бѣлаго цвѣта.

дунгань. Дунгане эти жили совершенно мирно и виноваты были предъ китайцами только тѣмъ, что возставшіе внутри Китая ихъ соплеменники одерживали верхъ надъ усмирявшими ихъ китайскими войсками. Таранчи это знали и очень жалѣли тарджинскихъ дунгань, ибо нападеніе на нихъ китайцевъ заключало въ себѣ все признаки правительственной мести. Дунганинъ Ягуръ объединилъ вокругъ себя свыше трехъ тысячъ своихъ однообщественниковъ и далъ нападавшимъ такой отпоръ, что тѣ сконфузились и приостановились. Пользуясь ихъ замѣшательствомъ, Ягуръ послалъ своихъ посланцевъ къ таранчинскому хакимбеку, каковымъ въ тотъ моментъ былъ мой родной дѣдъ, по имени Абдрасуль, съ просьбою о помощи противъ китайцевъ, которые, по мнѣнію Ягура, истребивъ дунгань, сдѣлаютъ то же и съ таранчами“.

„При приѣмѣ Абдрасулемъ этихъ посланцевъ случайно присутствовалъ находившійся у хакимбека въ гостяхъ важный китайскій чиновникъ, который, конечно, слышалъ и понималъ рѣчи посланцевъ Ягура. Абдрасулю приходилось хитрить. Поэтому, онъ громко отвѣтилъ, что совершенно нераздѣляетъ опасеній Ягура относительно истребленія таранчей; но въ то же время Абдрасуль сдѣлалъ какой то знакъ дунганамъ и тѣ немедленно схватили китайскаго чиновника и, вытолковавъ его на дворъ, тутъ же обезглавили его... То же самое они сдѣлали и съ находившеюся въ другомъ помѣщеніи свитою важнаго чиновника. Хакимбекъ Абдрасуль не препятствовалъ дунганамъ въ этихъ убійствахъ ни единымъ движениемъ языка, ибо въ тотъ моментъ

былъ занятъ своимъ, весьма важнымъ дѣломъ: онъ дѣлалъ распоряженіе, чтобы все, жившіе въ Кульджѣ, таранчи немедленно облеклись въ чалмы.

Такимъ образомъ начался таранчинскій бунтъ и, хотя все это происходило ночью, Абдрасуль въ тотъ же моментъ собралъ часть таранчей и послалъ ихъ въ Тарджи на подкрѣпленіе дунгань, а остаткамъ собравшихся по тревогѣ таранчей приказалъ немедленно напасть на китайскіе купеческіе кварталы въ самой Кульджѣ. Все это, конечно, было выполнено, и въ купеческихъ кварталахъ были вырѣзаны все жители. На другой день возставшіе таранчи осадили находившуюся близъ Кульджи китайскую крѣпость Чимпанзе. Гарнизонъ этой крѣпости довольно быстро сдали, не смотря на то, что у инсургентовъ почти не было никакого огнестрѣльнаго оружія и они дрались лишь желѣзными кетменями, лопатами и азіатскими топорами. Абдрасуль руководилъ бунтомъ таранчей и нападеніемъ на Чимпанзе самъ. Послѣ взятія Чимпанзе таранчи приступили къ крѣпости значительно большаго размѣра, называвшейся Баяндай. Крѣпость эту таранчи, имѣвшіе уже оружіе покоренной крѣпости Чимпанзе, также подвергли осадѣ.

Тѣмъ временемъ изъ кульджинской крѣпости выступили на помощь Баяндаю 14000 китайцевъ, которыхъ таранчи, не снимая съ Баяндай осады, разбили на голову.

Остатки этого жалкаго отряда бѣжали обратно въ кульджинскую крѣпость, побросавъ на пути много оружія и весь обозъ со съѣстными и огнестрѣльными припасами, предназначавшимися для осажденнаго инсургентами

баяндайского гарнизона. Все, брошенное китайцами, досталось, конечно, таранчамъ. Вбѣжавъ въ кульджинскую крѣпость, китайцы заперлись въ ней наглухо. Однако, не получая ни откуда помощи, они вынуждены были все-таки сдаться на милость „побѣдителей“, которые поступили съ ними вполне по-азиатски, т. е., перерѣзали всѣхъ, какъ барановъ... Правда, гарнизонъ кульджинской крѣпости выдерживалъ осаду цѣлый годъ и отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ страшно бѣдствовалъ; поэтому сдача его „бунтовщикамъ“ понималась, какъ выходъ изъ положенія гораздо худш.го, нежели смерть въ плѣну... Известно, напр., что гарнизону во время осады приходилось ѣсть: лошадей, собакъ, кошекъ и... даже товагищей по осадѣ, которые въ необходимомъ для ѣды количествѣ подвергались смертной казни ежедневно. Отдѣльнымъ китайскимъ начальникамъ приходилось изобрѣтать для жизни самые невозможные поводы. И... изобрѣтали...

Крѣпость же Баяндай, послѣ 3—4-мѣсячной осады была взята таранчами штурмомъ, успѣху котораго помогъ удачный взрывъ мины, заложенной таранчею Садырь-Канурукомъ.

По взятіи кульджинской крѣпости, лѣдъ мой Абдрасуль, считавшійся все время китайскимъ ставленникомъ, съ званіемъ хакимбека, объявилъ себя среди инсургентовъ таранчинскимъ султаномъ. Никакого протеста со стороны „бунтовщиковъ“ не послѣдовало. Китайское мирное населеніе давно уже бѣжало внутрь Китая, чрезъ Талкинский и Ачальскій перевалы. Китайскія войска были побѣждены. Стало быть, ничто не мѣшало таранчамъ заняться самоустройствомъ.

Какъ-то, однако, случилось, что объявившій себя султаномъ Абдрасуль былъ очень загадочно убитъ и султаномъ себя объявилъ нѣкій Мазамзатъ, на что также протеста отъ таранчей не слѣдовало. Вскорѣ появились слухи, что Абдрасуль былъ убитъ близкимъ Мазамзату человекомъ, носившимъ имя Амипъ-ханъ-Ходжа и выдававшимъ себя за потомка пророка. Таранчи, однако, считали его только воришкой*.

Новый султанъ Мазамзатъ ранѣе состоялъ предшественникомъ Абдрасуля по званію таранчинскаго хакимбека; почему объявленіе себя султаномъ, послѣ смерти Абдрасуля, никого изъ таранчей не удивило; но, такъ какъ съ воцареніемъ Мазамзата сильно возвысился въ султанатѣ и Аметь-ханъ-Ходжа, то всѣ поняли, что между смертью Абдрасуля и занятіемъ его мѣста Мазамзатомъ существуетъ тѣнѣйшая связь.

Однимъ изъ первыхъ „повелѣній“ султана Мазамзата было распоряженіе объ убіеніи султанскаго врача Муллы-Насыръ-Аминъ-ахунъ, наследственнаго ахуна*) и очень популярнаго среди таранчей человека. Распоряженіе это, конечно, было исполнено. Тутъ, какъ то вскорѣ выдвинулся изъ народа уже не молодой человекъ, безспорный потомокъ пророка; по имени Кереходжа, который и занялъ мѣсто старшаго военачальника въ султанатѣ. Хотя этотъ Кереходжа по національности былъ не таранчею, а персіаниномъ, но народъ относился къ нему весьма довѣрчиво. Кереходжа организовалъ для Мазамзата постоянное таранчинское „войско“, правда въ составѣ всего только сотни человекъ, но это войско было обмундировано совершенно по евро-

*) Ахунъ—высшее духовное лицо у таранчей.

пейски. При этомъ были заведе- ны и деревянные пушки, изъ ко- торыхъ, кажется, никто никогда не стрѣлялъ, но таранчинскіе „государственные“ люди были обѣждены въ томъ, что, имѣя такія пушки, кульджинскій султа- натъ навѣки застрахованъ отъ посягательствъ и Китая и... Рос- сіи... Кереходжа считался еще у таранчей врачомъ и знахаремъ, а эти качества сильно повышали его цѣнзъ въ султанатѣ.

Гдѣ, когда и съ кого онъ могъ приобрести эти полезныя каче- ства, а равно когда и на комъ онъ ихъ проявлялъ, объ этомъ никто не справлялся, но многіе искренне вѣрили, что Кереходжа можетъ заставить рѣку Или нести свои воды въ обратную сторону...

Разсказывали, что Кереходжа по- лучилъ однажды гдѣ то безслав- ную огнестрѣльную рану въ бокъ. Рану эту по обстоятельствамъ приходилось скрывать, по край- ней мѣрѣ, отъ подчиненныхъ, ко- торыхъ у Кереходжи было доста- точно. Тогда онъ приказалъ при- слать къ нему въ кенартиру (а жилъ въ саклѣ моего покойнаго дѣда Абдрасуля) двухъ цирюль- никовъ, которые должны были, и при томъ непременно съ успѣ- хомъ, извлечь пулю изъ раны Кереходжи... Представьте, пуля была извлечена вполне благопо- лучно, и благодарный Кереходжа, дабы раненіе его не такъ скоро получило огласку, приказалъ обез- главить обоихъ цирюльниковъ тутъ же во дворѣ своей кварти- ры... Нечего и говорить, что при- казаніе это было исполнено съ большою аккуратностью...

„По выздоровленіи Кереходжи, какъ то случилось, что султанъ Мазамзатъ оказался убитымъ, пользуясь чѣмъ, Кереходжа вели-

душно объявилъ себя таранчин- скимъ султаномъ. Хотя противъ этого „объявленія“ протеста так- же ни отъ кого не послѣдовало, однако, султанъ Кереходжа вско- рѣ самъ былъ убитъ нѣкимъ Муллою-Шокутомъ, который так- же объявилъ себя таранчинскимъ султаномъ и ахуномъ. Сейчасъ же Мулла-Шокутъ назначилъ на постъ главного военачальника таранчинскаго султаната совер- шенно неграмотнаго, но, въ гла- захъ таранчей, очень толковаго человѣка, по имени Обуль-огла. Единственнымъ недостаткомъ Обуль-оглы было неустойчивое стремленіе хвастаться и лгать...

„Однако, вскорѣ, по какимъ то причинамъ, жившій на Арустанѣ (таранчинскій кишлакъ на р. Или) потомственный ахунъ и *кази-ас- каръ**) далъ Обуль-оглѣ духовное разрѣшеніе и матеріальную по- мощь на уничтоженіе какъ сул- тана Муллы-Шокуте, такъ и того самаго Аметъ-Хана Ходжи, кото- рый убилъ перваго таранчинскаго султана Абдрасуля (моего дѣда). Оба эти убійства были соверше- ны вполне удачно и Обуль-огла объявилъ себя султаномъ, подъ именемъ Ибрагима-оглы (въ 1867 году)“.

„Ибраимъ-оглы властвовалъ надъ таранчинскимъ султанатомъ вполне благополучно до 1870 года, т. е., почти четыре г. Если и были охотники убить этого по- чтеннаго султана, то привести въ исполненіе свое намѣреніе они уже никакъ не могли, ибо Ибра- гимъ-оглы завелъ у себя хорошую охрану и образцовое шпионство. Понятно, что головы своихъ доб- рыхъ подданныхъ онъ рубилъ безъ

*) Кази-аскаръ—дѣйствующій судья.

всякихъ препятствій. Кашгарскій ханъ Якубъ-бекъ находилъ пристойнымъ и полезнымъ даже заигрывать съ Ибрагимомъ-оглы, предлагая послѣднему соединиться съ Кашгарією въ одно сильное ханство и встряхнуть и Китай и... Россію. Не смотря на такое заманчивое предложеніе, хитрый Ибрагимъ-оглы, въ мечтахъ покорить Кашгарію силою таранчинскаго оружія (деревянныя пушки играли, конечно, главную роль), отклонилъ заигриванія Якубъ-бека и совершенно серьезно высказывалъ мысли о необходимости присоединенія къ таранчинскому султанату Семирѣчья, Туркестанскаго края, Бухары и многихъ другихъ азіатскихъ мѣстностей и государствъ... Любопытно, что близкіе къ Ибрагиму-оглы таранчинскіе сановники вѣрили въ возможность осуществленія этого ребячьяго плана своего повелителя...

Но... наступилъ 1870 г., который принесъ таранчинскому султану и хлопоты и полную потерю независимости... Лѣтомъ сказаннаго года въ Кульджѣ появился бѣжавшій изъ русскихъ предѣловъ какой то Тазабекъ, который, какъ рассказывали, содержался въ г. Вѣрномъ, въ качествѣ арестанта. Тогдашній семирѣченскій губернаторъ ген. Колпаковскій обратился къ султану Ибрагиму-оглы съ требованіемъ о выдачѣ Тазабека. Рѣзко-ли было предъявлено это требованіе, или оно заключало въ себѣ что либо особенно обидное для султанской чести Ибрагима-оглы, только послѣдній отвѣтилъ что, такъ какъ генераль Колпаковскій—не султанъ и не ханъ, то онъ Ибрагимъ-Оглы считаетъ для себя непристойнымъ выслушивать какія бы то ни было до-

могательства г. Колпаковскаго, а потому требованіе его о выдачѣ Тазабека оставляетъ безъ отвѣта".

„Предчувствуя, однако, что подобная выходка не будетъ оставлена ген. Колпаковскимъ безъ наказанія, Ибрагимъ-оглы началъ распространять между таранчами нелѣпыя слухи о томъ, что русскіе вообще воевать не умѣютъ и, что если они кое-что завоевали въ Средней Азій, то на это нужно смотрѣть единственно какъ на попушеніе Аллаха, разгнѣвавшегося на покоренныхъ русскими мусульманъ; что русскіе солдаты даже при яркомъ дневномъ свѣтѣ, плохо видятъ, а если правовѣрный мусульманинъ догадается прочесть „фатиху“ изъ Корана, то и совѣтъ слѣпнуть; верхомъ ѣздить русскіе солдаты, по мнѣнію Ибраима-оглы, также не умѣютъ и потому вынуждены совершать походы пѣшкомъ, а если кто либо изъ нихъ ухитрится сѣсть на лошадь, то немедленно падаетъ съ нея, какъ мѣшокъ съ зерномъ. Принимая все это во вниманіе, таракчи, по мнѣнію Ибраима-оглы, должны видѣть, что русскія войска ничуть не выше китайскихъ и, что, если съ ними пришлось бы драться, то побѣда на сторонѣ таранчей несомнѣнна..."

„Вдругъ, весною 1871 г., въ Кульджѣ получило извѣстіе, что къ сел. Добунъ (на лѣвой сторонѣ р. Или) подступаетъ русскій отрядъ. Ибрагимъ-оглы немедленно сдѣлалъ „надлежашія“ распоряженія, и русскіе были встрѣчены таранчинскою „колонною“, вышедшею изъ сел. Кетмень подъ начальствомъ Тугулака (онъ же носилъ имя Дугамета), въ послѣдствіи награжденнаго русскими властями землею при сел. Кет-

мень. У этой „колонны“, кромѣ кетменей, лопатъ и топоровъ, было и нѣсколько ружей, которыми, при столкновеніи съ русскимъ отрядомъ, таранчамъ удалось убить нѣсколькихъ враговъ. Храбрая таранчинская „колонна“ была, однако, разбита вдребезги и безпорядочно бѣжала въ стороны по всеѣмъ направленіямъ“.

„Однако, какъ то случилось, что разбитые таранчи успѣли захватить съ собою четыре головы, отрубленные отъ мертвыхъ русскихъ тѣлъ. Головы эти были доставлены въ Кульджу и предъявлены султану Ибраиму-оглы. Послѣдній, основываясь на такомъ, по его мнѣнію, сильномъ фактѣ, высказалъ вслухъ опасеніе о неизбежности завоеванія таранчами всей Россіи!“...

Вскорѣ въ Кульджу пришло извѣстіе, что русскіе, усиленные прибывшимъ изъ Вѣрнаго подкрѣпленіемъ, заняли почти безъ боя таранчинскія крѣпости: Коргосъ, Чинчиходзи, Суйдунъ и Баяндай. Слухи сообщали, что гарнизоны названныхъ крѣпостей оказались лишенными способности выносить гулъ пушечной пальбы и потому при первыхъ же пушечныхъ выстрѣлахъ непріятеля сѣвши сдаваться. Ибраимъ-оглы довольно удачно дѣлалъ видъ, что успѣхи русскихъ его нисколько не беспокоятъ“.

„Велѣдъ за симъ, въ одинъ скверный для Ибраимъ-оглы полдень, пушечный гулъ раздался подъ самою Кульджею. Султану пришлось довольно таки поспѣшно сѣсть на подведеннаго коня и выѣхать со свитою къ осаждавшимъ кульджинскую крѣпость русскимъ войскамъ. Здѣсь, представившись начальнику русскаго отряда по всеѣмъ азіатскимъ пра-

виламъ, Ибраимъ-оглы во имя Аллаха просилъ его немедленно прекратить пушечную стрѣльбу, а то иначе жены султана перемрутъ со страха, такъ какъ онъ совершенно не приученъ къ пушечной пальбѣ... Что касается затѣмъ условій капитуляціи, то онъ, Ибраимъ-оглы, соглашается на что угодно“...

„Такъ скончилось свое существованіе наше ребячье царство... Деревянные пушки, оказывається, разлетѣлись въ щепки при первыхъ же выстрѣлахъ, а шутовскіе снаряды даже не вылетѣли изъ крѣпости... Бѣдные таранчи не знали того, что называется свободою ни подъ китайскимъ режимомъ, ни подъ собственнымъ „самоуправленіемъ“, ни... теперь...“

Разсказъ этотъ мнѣ любезно сообщенъ однимъ отставнымъ чиновникомъ, лично знавшимъ покойнаго Абдуль-Басида Юсупова и слышавшимъ отъ него это полуюмористическое повѣствованіе.

Матвѣй Расплетаетъ.

Двадцать шесть верстъ

пѣшкомъ по размыву.

Предлагая вниманію читателей описаніе своего путешествія, я имѣю въ виду практическое значеніе этого описанія для всѣхъ, желающихъ или намѣреющихся отправиться въ Россію по линіи Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги. Послѣдняя, являясь единственнымъ по дешевизнѣ, скорости и сравнительнымъ удобствамъ путемъ, заставить, быть можетъ, нѣкоторыхъ лицъ даже и въ настоящее время предпочесть этотъ путь окружающему—черезъ Красноводскъ и Каспійское море. Для этихъ-то путе-

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

№ 8

АВГУСТЪ

1866

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

PRINTED IN RUSSIA

Военный
№ 8
Digitized by Google

О ВОЗСТАНИИ

МУСУЛЬМАНСКАГО НАСЕЛЕНИЯ ПЛН ДУНГЕНЕЙ

ВЪ ЗАПАДНОМЪ КИТАѢ. (1 *)

Въ прошломъ, 1865 году, въ киргизскія степи была командирована комиссія, состоявшая изъ председателя отъ министер-

(1) Согласно желанію автора, редакція „Военнаго Сборника“ съ особымъ удовольствіемъ перепечатываетъ настоящую статью, помѣщенную въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“.

(*) Статья о возстаніи мусульманскаго населенія или дунгеной въ Китаѣ читалась въ общемъ собраніи русскаго географическаго общества, 16-го апрѣля 1866 г., въ моею близкію, г. секретаремъ общества и возбудила любопытныя пренія.

По окончаніи чтенія опонировалъ г. Скачковъ, долго жившій въ Китаѣ и пользующійся совершенно заслуженнымъ авторитетомъ знатока китайской жизни. Первоначально онъ указалъ на тѣ мѣста статьи, которыя, по его мнѣнію, не-вѣрны, а потомъ доказывалъ, что авторъ статьи преувеличиваетъ значеніе возстанія дунгеной и не-вѣрно придаетъ ему характеръ борьбы мусульманства съ буддизмомъ. Послѣ опонента говорилъ г. профессоръ Васильевъ, извѣстный своими учеными трудами о Китаѣ и буддизмѣ. Не опровергая замѣчанія г. Скачкова о частностяхъ, зная которыя путемъ научнымъ, по неимѣнію источниковъ, онъ призналъ, въ настоящее время, невозможнымъ, г. Васильевъ согласился съ мнѣніемъ, выраженнымъ мною о религіозномъ характерѣ возстанія дунгеной, и подкрѣпилъ свои слова нѣсколькими замѣчаніями, доказывающими, въ одинаковой степени, и обширную ученость г. профессора, и умѣнье обобщать свои свѣдѣнія.

Такъ какъ статья составлена, большею частію, по распроснымъ свѣдѣніямъ, и какъ пишущій эти строки не имѣетъ никакихъ претензій на званіе ученаго, а тѣмъ болѣе знатока Китаю, то очень можетъ быть, что въ нее вкралось много ошибокъ; можетъ быть также, что авторъ статьи, вслѣдствіе этихъ ошибокъ, и преувеличиваетъ значеніе возстанія дунгеной. Специалисты говорятъ, что объясненія лѣрно свѣты изъ китайской жизни могутъ только люди, изучавшіе эту, во многомъ, загадочную страну. Во всякомъ случаѣ, сырой матеріалъ для пониманія такихъ важныхъ событій, какъ совершающіеся въ настоящее время въ Китаѣ, должны, какъ мнѣ кажется, собирать всѣ, кто имѣетъ къ тому возможность. Возстаніе дунгеной происходитъ близъ нашей границы и вдали всѣхъ пунктовъ,

ства внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительнаго члена общества, Теодора Карловича Гирса, члена отъ военнаго министерства, и другихъ членовъ-депутатовъ: одного отъ оренбургскаго генералъ-губернаторства, другаго отъ сибирскаго. Назначеніе этой комисіи состоитъ въ выработкѣ началъ, долженствующихъ служить основаніемъ будущихъ законоположеній для киргизскихъ степей. Исполняя возложенное на насъ порученіе, мы, между прочимъ, пробыли четыре мѣсяца въ Семипалатинской области. Помимо своихъ прямыхъ обязанностей, мы не могли не интересоваться причинами, произведшими настоящій переворотъ въ западномъ Китаѣ, переворотъ, могущій имѣть огромное вліяніе на судьбу Средней Азіи. Находясь такъ близко отъ мѣстъ, охваченныхъ возстаніемъ, мы старались пользоваться каждымъ случаемъ, могущимъ объяснить намъ значеніе, характеръ и силу бунта дунгеной. По особенно счастливому случаю, члену-депутату отъ Оренбурга, генералъ-маіору Гутковскому, и мнѣ нѣсколько разъ удавалось говорить объ этомъ предметѣ съ людьми, близко знакомыми съ дунгенскимъ возстаніемъ. Такимъ образомъ, правитель атбановскихъ родовъ (Большой орды), полковникъ султанъ Тезекъ, имѣвшій безпрерывныя связи съ самими отдаленными частями Китая, посвятилъ намъ цѣлыхъ два дня и весьма обязательно разсказалъ весь ходъ возстанія дунгеной. Мѣсяцъ спустя, когда мы были въ укрѣпленіи Вѣрномъ, въ купеческомъ караванѣ, пришедшемъ изъ китайскаго Туркестана, оказался одинъ кашгарецъ, знающій положеніе дѣлъ въ Китаѣ. Онъ неоднократно разсказывалъ намъ о возстаніяхъ по сѣверной и южной тьянь-шаньскимъ линіямъ. Аксакалъ укрѣпленія Вѣрнаго, потомокъ Магомета-Сеида-Ахмета, человекъ, занимавшійся исторіею Азіи, весьма часто проводилъ съ нами свободные вечера. Заинтересованный, косвенно, въ дѣлѣ ходжей, онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ возстанія какъ въ Туркестанѣ, такъ и въ Джунгаріи. Будучи аксакаломъ, онъ

посѣщаемыхъ другими европейцами, слѣдовательно научить это возстаніе мы можемъ только чрезъ непосредственное съ нимъ ознакомленіе.

Печатаю настоящую статью, и имѣю въ виду, что лица, живущія близъ границъ сѣверо-западнаго Китая, слѣдовательно болѣе знакомы съ ходомъ возстанія, исправлять ошибки, которыя могли быть сдѣланы мною, и дополнить новыми свѣдѣніями. Съ другой стороны, наши ученые синологи и знатоки Китая будутъ имѣть возможность объяснить смыслъ совершающихся тамъ событій, которыя, иначе, могутъ быть затмѣнены европейскою точкою зрѣнія, съ которой и написана настоящая статья.

А. К. Гейнсъ.

имѣлъ возможность спрашивать о политическихъ новостяхъ каждый караванъ, приходившій изъ Китая, и потому можно было не безъ основанія думать, что ему хорошо знакомо настоящее положеніе дѣлъ въ Средней имперіи.

Во время пребыванія комисіи въ Семипалатинской области, изъ китайскихъ предѣловъ бѣжали въ нашу территорію киргизы кизяевского рода и калмыки олетскаго полка. Они охотно рассказывали намъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими. Особенно, въ этомъ случаѣ, былъ намъ полезенъ полувладѣтельный султанъ кизяевъ, батырь Вотаке Абулфеизовъ. Кромѣ того намъ помогли своими рассказами о китайскихъ событіяхъ копальскіе купцы Негметъ Улла и Карымъ Якубовъ, хорошо знающіе Китай; г. Бардашевъ, чиновникъ, служащій въ укрѣпленіи Вѣрномъ, имя котораго не разъ уже цитировалось въ періодическихъ изданіяхъ общества; таранчи, выбѣжавшіе къ намъ изъ китайскихъ предѣловъ, и другіе.

Когда отрывочныя замѣтки, которыя мы дѣлали немедленно вслѣдъ за рассказами, были сведены въ одно цѣлое, явилась возможность повѣрить большую или меньшую ихъ достовѣрность.

Еще болѣе ясности получило для насъ возстаніе дунгеной, когда мы прочли о нихъ все дѣло канцеляріи губернатора Семипалатинской области. Наконецъ, здѣсь, въ Петербургѣ, изучивъ путешествіе Валиханова въ Кашгаръ, мы могли замѣтить, что многое остававшееся для насъ неяснымъ, послѣ знакомства съ историческою частію этого замѣчательнаго труда, стало понятно.

О другихъ предметахъ, непонятныхъ для насъ, мы спрашивали г. Захарова, бывшаго нашего генеральнаго консула въ Кульджѣ и извѣстнаго знатока китайской жизни.

Описаніе организаціи дунгеной составлено нами исключительно по распроснымъ свѣдѣніямъ, слѣдовательно гарантировать безусловно вѣрность всего, о чемъ говорится въ этой статьѣ, мы не можемъ; но смѣемъ завѣрить, что рассказъ каждаго лица тщательно повѣрялся нами показаніями другихъ. Если въ статью все-таки вкрались нѣкоторыя ошибки, виною тому будетъ одинаковость невѣрности въ рассказахъ тѣхъ, съ которыми намъ приходилось говорить о возстаніи дунгеной.

Не безъ робости передъ ученою публикою, здѣсь присутствующею, рѣшился я приступить къ чтенію настоящей статьи.

При этомъ я имѣлъ въ виду, что отсутствіе въ ней достоинствъ можетъ, частію, замѣниться важностію разбираемаго предмета. Если переворотъ, могущій произойти въ предѣлахъ китайско-монгольскаго міра, не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія всего образованнаго міра, то мы, русскіе, еще болѣе заинтересованы въ судьбѣ сосѣдственной и дружественной съ нами державы, которая всегда хотѣла оставаться съ нами въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

Дунгени (по-киргизски дунгѣне, по-ташкентски или узбекски тунгень) называютъ себя тургенями (*). Турмакъ, по-тюркски, значить *остаться*. Ученые азіаты производятъ слѣдующимъ образомъ названіе дунгений: Тамерланъ, объявивъ войну Китаю, двигался изъ Самарканда на Наманганъ, Иссыкъ-Куль и горный проходъ Санъ-Ташъ, находившійся тогда во власти Джунгаріи. Изъ Китая Тамерланъ возвращался тою же дорогою (**). Вѣроятно, въ виду важности обладанія такимъ стратегическимъ пунктомъ, какъ верховье рѣки Или, Тамерланъ оставилъ на восточной сторонѣ Санъ-Таша значительный корпусъ монголовъ. Эти-то войска, осѣвши по рѣкамъ Текесу и Или, считаются азіатцами родоначальниками западныхъ дунгений, тургений или „оставшихся“.

Восточные дунгени или китайскіе магометане получили свое начало гораздо раньше. Преданія, слышанныя нами объ ихъ происхожденіи, весьма близко подходятъ къ мнѣнію, выраженному г. Захаровымъ, въ его запискѣ о дунгеняхъ.

Такимъ образомъ, китайцы, въ царствованіе династіи Танъ, въ VII вѣкѣ, начали упорную войну со своими ближайшими западными сосѣдами—уйгурами или ойхорами. Древніе уйгуры были тюркскаго происхожденія; ихъ столица находилась въ

(*) Я называю этотъ народъ дунгенями, а не дунганами, согласно проназванію русскихъ, живущихъ близъ границъ Китая.

(**) При движеніи въ Китай, находясь на ночлегѣ въ проходѣ Санъ-Ташъ, Тамерланъ приказалъ каждому воину взять по одному камню и бросить на указанное мѣсто. Послѣ разгрома Китая, возвращаясь прежнею дорогою, Тамерланъ приказалъ каждому оставшемуся воину взять изъ прежде наложенной груды по одному камню, чтобы по числу оставшихся камней узнать, сколько его войскъ погибло въ бояхъ и осталось въ Китай. Такъ объясняютъ себя среднеазіатцы существованіе въ проходѣ Санъ-Ташъ большой насыпи дикаго булыжнаго камня, очевидно сложенной людьми. Самое названіе прохода подтверждаетъ приведенную легенду. Слово Санъ-Ташъ, по переводу съ современнаго ногайскаго нарѣчія, значить въ буквальномъ смыслѣ — счетъ камней, а въ обширномъ—безчисленное множество камней, или пыль камней.

ныиѣшнемъ Карашарѣ, называвшемся тогда Гао-Чанъ. Въ VIII вѣкѣ борьба кончилась полною побѣдою китайцевъ и разрушеніемъ Гао-Чана. Но такъ какъ и послѣ того уйгуры были достаточно сильны, чтобы производить возстанія, то императоры изъ дома Танъ переселили часть этого народа въ Китай, въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣковъ. По свидѣтельству г. Захарова, до 1,000,000 семействъ поселены въ губерніяхъ Гань-су и Шанъ-си. Переселенцы были жаркіе поклонники буддизма.

Чтобы усилить господствовавшую тогда въ имперіи народность китайцевъ собственно, императоры изъ дома Танъ поощряли браки переселенцевъ съ китайками. Существуетъ даже преданіе, будто бы уйгурамъ приказано было вступать въ браки исключительно съ китайками.

Мусульманство стало проникать къ переселеннымъ уйгурамъ изъ Малой Бухаріи, гдѣ оно утвердилось окончательно послѣ того, какъ одинъ изъ потомковъ Чингисъ-хана, Туглукъ-Тимуръ-ханъ, владѣвшій землями отъ Или до Куэнь-Луна, принялъ исламъ отъ потомка магометова Сеида-Рапешдина. Это было въ 754 году гіджры. Примѣру Тимуръ-хана послѣдовали въ восточныхъ городахъ Туркестана многіе уйгурскіе эмиры. Потому конецъ XIV столѣтія нужно считать временемъ распространенія магометанства и у уйгуровъ, переселенныхъ къ Великой Стѣнѣ. Успѣху здѣсь ислама должны были особенно содѣйствовать враждебныя отношенія переселенцевъ къ правительству имперіи, придерживавшемуся буддизма, и связь съ прежнею родиною. Но и послѣ того, какъ восточные дунгени стали ревностными мусульманами, они удержали за собою право жениться на китайкахъ, и притомъ воспитывать своихъ дѣтей въ исламѣ.

Западные дунгени оставались мусульманами со временъ Тамерлана (*).

Китайцы называютъ всѣхъ дунгений вообще *хой-хой*, что нужно принимать за испорченное уйгуръ (**).

(*) Когда калмыцкій ханъ Галданъ покорилъ Малую Бухарію, въ 1678 году, то назначилъ Аппака-ходжу своимъ наместникомъ въ Яркендъ, а семейство кашгарскаго хана Исмаила увелъ за собой въ Джунгарію. Тамъ мусульманскій городъ Бульджа былъ назначенъ мѣстомъ постоянного жительства плѣннаго семейства.

(**) До начала VI вѣка уйгурскія племена подчинялись дулгасамъ. Въ 606 году уйгуры, соединившись съ соседними племенами, свергли нго дулгасцевъ и образовали сильный народъ, названный китайцами хой-гэ. Уйгурскій ханъ Дуньмохъ, пославъ въ 788 году, своего перваго министра Гидъ за своею невестою,

Послѣ покоренія калмыцкаго ойратства, въ 1757 году, встрѣтивъ въ Джунгаріи людей, исповѣдывавшихъ ту же религію, какъ уйгуры, китайцы могли назвать и остатки племени Тамерлана именемъ хой-хой. Это предположеніе получаетъ особенное вѣроятіе, если вспомнить, что Джунгарія, оставшаяся пустою послѣ избіенія китайцами калмыковъ, была населена жителями провинціи Гань-су. Какъ сказано выше, древніе уйгуры были въ большомъ числѣ переселены, въ VIII вѣкѣ, изъ окрестностей Карашара въ губернію Гань-су. Слѣдовательно, главнымъ элементомъ, колонизовавшимъ, тысячу лѣтъ спустя, Джунгарію, гдѣ съ давнихъ поръ жили западные дунгени, являются восточные дунгени. Съ того времени объ мусульманскія народности Китая должны были вступить въ тѣсныя сношенія другъ съ другомъ (*).

Алтышаръ (западная часть китайскаго Туркестана), покоренный китайцами вслѣдъ за Джунгаріею, былъ преданъ мусульманству, но, вслѣдствіе историческихъ причинъ, имѣлъ мало общаго съ дунгенями. Оттого періодическія возстанія Алтышара, какъ имѣющія характеръ болѣе династическій, чѣмъ религіозный, не прямо касались дунгений, а потому послѣдніе и не принимали въ нихъ участія. Это обстоятельство могло приучить манджурское правительство отличать именемъ хой-хой всѣхъ китайскихъ мусульманъ, непринимавшихъ участія, враждебнаго имперіи, въ возстаніяхъ Алтышара. По крайней мѣрѣ теперь китайцы называютъ этимъ именемъ всѣхъ мусульманъ имперіи, кромѣ жителей Туркестана (**).

дочерью богдохана, просилъ между прочимъ, чтобы престолярное названіе уйгуровъ, хой-гэ, переименовать въ хой-ху, представляя къ тому тотъ поводъ, что его подданные въ нападеніи подобны кречетамъ (*ху* значить кречетъ). Отсюда недалеко уже и до хой-хой.

(*) Среднеазіяты, назвавъ дунгенями оставшихся воиновъ Тамерлана, перенесли это имя на всѣхъ китайскихъ мусульманъ, живущихъ къ сѣверу отъ Тянь-Шаня и внутри имперіи. Впрочемъ, намъ рассказывали, что и восточные дунгени считаютъ себя выходцами изъ Самарканда, почему принимаютъ, какъ родственниковъ, всѣхъ пріѣзжихъ оттуда.

Чрезвычайно интересно, что китайцы называли всѣхъ мусульманъ по уйгурамъ магометанамъ, жившимъ около нихъ; а среднеазіяты называли ихъ же по дунгенямъ, крайнимъ западнымъ подданнымъ Китая, исповѣдывавшимъ исламъ.

(**) Можно замѣтить, что китайцы вообще любятъ ослабить своихъ политическихъ непріятелей системою колонизаціи въ обширныхъ размѣрахъ. Очень можетъ быть, что, веда въ XVIII столѣтіи упорныя войны съ Среднею Азіею, они поселяли плетнивыхъ радныхъ мусульманскихъ народностей въ разныхъ пунктахъ имперіи, называя и ихъ маршальнымъ хой-хой.

Люди, знающіе Китай, опредѣляютъ приблизительную цифру дунгений болѣе чѣмъ въ 30,000,000 (не считая въ томъ числѣ магометанъ Туркестана). Они распространены по всей имперіи, группируясь болѣе въ провинціяхъ Гань-су, Шань-си, Сы-чуань, Юнь-нань и по сѣвернымъ отрогамъ Тянь-Шаня.

Дунгени носятъ китайскую одежду, имѣютъ китайскій типъ лица и говорятъ китайскимъ языкомъ. Они извѣстны какъ чрезвычайно строгіе и набожные мусульмане. Дунгени суниты, но придерживаются разнымъ толкамъ: одни слѣдуютъ ученію имама Шаѣе, другіе—ученію имама Халифе (¹). Въ дунгеньскихъ мечетяхъ молитвы читаются на арабскомъ языкѣ, комментарии же и поясненія дѣлаются по-китайски. Дунгени подстригаютъ усы по-мусульмански, не пьютъ вина и водки, не курятъ опиума и табаку. Въ Средней Азіи они извѣстны своею честностію, особенно въ торговыхъ дѣлахъ. Китайское правительство, вслѣдствіе этой честности, охотно опредѣляло дунгений въ полицейскія должности. Дунгени горячи, заносчивы и при ссорахъ хватаются за ножи, которые они носятъ при себѣ (²). По наружности они отличаются отъ манджуровъ и китайцевъ сильнымъ физическимъ сложеніемъ и болѣе осмысленнымъ лицомъ. Особенно характерическая черта дунгений—наклонность къ промышленнымъ предпріятіямъ.

Сознаніе своей силы и нравственнаго превосходства давало дунгениямъ возможность находиться въ исключительномъ положеніи. Несмотря на политическую щекотливость манджурскаго правительства, оно не вмѣшивалось въ дѣла сильной дунгеньской общины Саларъ, въ провинціи Гань-су (³), гдѣ мусульмане живутъ сплошною массою. Этою общиною управляетъ имамъ, имѣвшій значеніе духовнаго главы дунгений; со стороны же правительства въ саларской общинѣ находился одинъ

(¹) Толкъ ханаѣе или аземи основалъ Абу-Ханнее-Эль-Номаъ-Ибне-Собитъ, родившійся въ Куфѣ, 80 года гиджры, и умершій въ Багдадѣ, въ темницѣ, въ 150 году. Толкъ Шаѣе'э основалъ Могамедъ-Ибне-Эдрисъ-аль-Шаѣе; онъ родился въ Мервѣ, въ Персіи, въ 164 году, умеръ въ Багдадѣ, въ 241 году.

(²) Копальскіе купцы рассказывали намъ, что у нихъ въ Кульдѣжъ выходили частыя ссоры съ дунгениями за то, что послѣдніе затрудняли, какъ могли, выпускъ скота въ Россію, полагая, что отъ этого обидѣтъ ихъ страна. Только благодаря огромному вѣсу, которымъ пользовался въ Кульдѣжѣ нашъ консулъ, подобныя ссоры ограничивались крикомъ дунгений на базарахъ.

(³) Саларъ называется по-китайски Хой-Чисеу и находится на одномъ изъ правыхъ притоковъ Желтой рѣки.

чиновникъ-приставъ. По словамъ киргизовъ, бывавшихъ въ Китаѣ, въ саларской общинѣ считается около 4,000 мечетей.

Это, впрочемъ, не мѣшало китайцамъ смотрѣть на дунгений какъ на людей, стоящихъ ниже прочихъ гражданъ—буддистовъ. Потому дунгени были обложены большимъ количествомъ податей, не только по сравненію съ господствующими въ Китаѣ народностями, но и съ другими покоренными племенами. Вѣроятно, желая ослабить рѣзкое различіе, существовавшее между дунгенями и остальными жителями городовъ имперіи, манджурское правительство, когда могло, касалось обычаевъ и внутреннего порядка дунгенской жизни. Такимъ образомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія изданъ императорскій декретъ, въ силу котораго дунгени должны были носить длинные косы, а ихъ дочери—имѣть уродливыя китайскія ножки. Точно также административнымъ путемъ было произведено нѣсколько опытовъ заставить дунгений отдавать своихъ дочерей замужъ за китайцевъ-немусульманъ. Эти притѣсненія, особенно послѣднее, чрезвычайно оскорбившее дунгений, ставили всѣхъ ихъ въ одинаково враждебное отношеніе къ манджурскому правительству и давали большую солидарность ихъ политическимъ убѣжденіямъ. Если бы дунгени и были составлены изъ обломковъ разныхъ мусульманскихъ народностей, то единство ихъ интересовъ и единство законовъ для всѣхъ ихъ вообще должны были сплотить дунгений въ одно политическое цѣлое.

Въ правленіе нынѣ царствующаго манджурскаго дома неоднократно вспыхивали возстанія въ саларской общинѣ, которыя и распространялись по мѣстамъ, гдѣ жило много дунгений. Но эти возстанія кончались какъ-то глухо и неопредѣленно, потому что мусульмане удерживали *statu quo*. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство Срединнаго государства поступило бы иначе, еслибъ дунгени не казались ему опасными или еслибъ манджуры получили рѣшительный перевѣсъ при возстаніяхъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ нами на китайской границѣ, можно предполагать, что политически-религіозная пропаганда, враждебная китайцамъ, давно уже дѣлала успѣхи среди дунгенскаго населенія. Главою этой пропаганды намъ называли уроженца Салара, Савуна, имѣвшаго чинъ вана и пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ пекинскаго двора. Савунъ уже умеръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но имя его еще цѣнится дунгенями, называвшими Савуна своимъ ханомъ.

О послѣднемъ поводѣ, послужившемъ къ настоящему возстанію, намъ рассказывали чрезвычайно разнообразно. Вотъ одинъ изъ этихъ рассказовъ, слышанный нами отъ двухъ лицъ, слѣдовательно и болѣе вѣроятный. Въ городѣ Синганъ-Фу (*) жили два богача: одинъ манджуръ, другой дунгень. Послѣдній былъ купцомъ и покупалъ у перваго скотъ на ямбы. Такъ какъ обороты купли и продажи были очень велики, то расплата производилась гуртомъ, по прошествіи нѣкотораго времени. Однажды дунгень почему-то не захотѣлъ отдать манджурѣ своего долга. Послѣдній осрамилъ его публично. Тогда дунгень выхватилъ саблю и распоролъ манджурѣ животъ. Убитый пользовался между своими громкою репутаціею и имѣлъ множество кліентовъ, которые подстерегли дунгеньскаго богача и убили его, а имущество и домъ совершенно разграбили. Это обстоятельство послужило сигналомъ общей рѣзни между дунгенями и манджурами, жившими въ Синганъ-Фу. Тѣхъ и другихъ было почти поровну; но манджуры, потерявшіе, въ послѣднее время, всякую энергію, вслѣдствіе непомѣрнаго употребленія опиума, не могли дать надлежащаго отпора и были истреблены, а обширный Синганъ-Фу достался въ руки дунгеней. При извѣстіи объ успѣхѣ инсурекиіи, изъ Салара прибылъ въ Синганъ-Фу сынъ упомянутаго выше Савуна, Сохунжанъ, молодой человѣкъ 21 года, и принялъ начальство надъ возставшими.

Еще при началѣ смутъ въ Синганъ-Фу, изъ Пекина былъ посланъ Дцянъ-Дзюнь съ 1,000 манджуровъ и съ приказаніемъ возстановить порядокъ; но едва этотъ отрядъ подошелъ къ городу, какъ былъ истребленъ мятежниками. Вскорѣ изъ Пекина подошелъ новый корпусъ войскъ въ 10,000 человѣкъ; но и онъ испыталъ участь перваго. Тогда Ижень-ханъ послалъ въ Синганъ-Фу 40,000-ю армію, для усмиренія возстанія, начинавшаго принимать серьезные размѣры. Не допуская манджурскихъ войскъ къ городу, инсургенты вышли имъ на встрѣчу и вступили въ бой. Результатомъ сраженія было совершенное истребленіе манджуровъ. Это случилось въ 1862 году.

Изъ Синганъ-Фу возстаніе стало постепенно двигаться на сѣверо-западъ, по линіи наибольшаго распространенія дунгеньскаго населенія. Это возстаніе было тѣмъ болѣе опасно для

(*) Синганъ-Фу, губернский городъ въ провинціи Шанъ-Си, близъ рѣки Вей-хо, впадающей въ р. Хоанъ-хо. Синганъ-Фу, по рассказамъ азіатовъ, въ пять разъ болѣе Ташкента.

пѣлости имперіи, что должно было имѣть большое вліяніе на борьбу манджуровъ съ тайпингами или китайцами. При династїи Танъ, какъ мы говорили выше, дунгени весьма часто вступали въ брачныя союзы съ китайцами и считаютъ ихъ своими родичами — обстоятельство очень важное въ Азіи, гдѣ родство служить иногда связью между племенами, неимѣющими, кромѣ того, ничего общаго. Этимъ объясняется фактъ, кажущійся съ перваго раза чрезвычайно страннымъ: нѣкоторая близость буддистовъ-тайпинговъ съ дунгенями, фанатически преданными мусульманству.

Примѣру Синганъ-Фу послѣдовала вся саларская община. Отсюда во всѣ мѣста, гдѣ жило много дунгений, отправились вліятельныя духовныя лица, чтобы проповѣдывать „газатъ“, священную войну противъ манджуровъ. По прибытіи въ какой-нибудь городъ, саларскіе ходжи и ахуны входили въ сношеніе съ мѣстными имамами и начинали волновать дунгений (*). Они говорили, что настало для правовѣрныхъ время готовиться къ борьбѣ съ манджурами, борьбѣ, долженствующей продолжаться до окончательнаго ихъ истребленія либо обращенія въ истинную вѣру. По примѣру саларской общины, всѣ дунгени-мужчины должны идти на войну, несмотря на лѣта и физическіе недостатки. Они должны отказаться отъ всего мірскаго и свое состояніе отдать въ мечеть. Все это говорилось и читалось въ мечетяхъ до тѣхъ поръ, пока возбужденіе не достигало крайнихъ предѣловъ: тогда достаточно было незначительнаго повода, и дунгени брались за оружіе. Одно изъ лицъ, рассказывавшихъ намъ это, полковникъ султанъ Тезекъ, далеко несимпатизирующій дунгенямъ, прибавилъ съ нѣкоторымъ умиленіемъ: „Нужно сказать правду: не было еще примѣра, чтобы кто-нибудь изъ богатыхъ дунгений не отдалъ всего, что имѣетъ, въ мечеть. Впрочемъ, если бы что-либо подобное и случилось, то ахуны, ходжи и имамы непременно казнили бы обманщика, какъ врага Божія“.

Фанатическое возбужденіе, производимое духовными лица-

(*) Мѣста имамовъ и ахуновъ съ давнихъ поръ занимаютъ у дунгений вліятѣльнѣйшіе и богатѣйшіе люди прихода. Они читаютъ коранъ въ мечетяхъ, учатъ дѣтей въ школахъ, совершаютъ требы и за все это получаютъ плату отъ пастырей. Такимъ образомъ, духовныя лица дунгений въ то же время вліятѣльнѣйшіе люди въ частной жизни. Уже это одно достаточно объясняетъ, почему возстаніе дунгений, по свойству ихъ вождей, должно было получить характеръ священной войны за вѣру.

ми, разрѣшалось обыкновенно кровавыми стычками между дунгенями и манджурами во всѣхъ городахъ, гдѣ было многочисленное мусульманское населеніе. Первоначально инсургенты не имѣли никакого оружія, кромѣ палокъ, рѣзаковъ, кистеней, небольшихъ топориковъ (чѣтовъ) и камней; но, надѣясь на небесную помощь, они не боялись кидаться на своихъ, относительно хорошо вооруженныхъ, враговъ и отнимали у нихъ много оружія. Вскорѣ между дунгенями нашелся мастеръ, который сталъ дѣлать имъ деревянные пушки, изъ которыхъ каждая могла выдержать до семи выстрѣловъ. Помощію этихъ пушекъ, дунгени стали отбирать у манджуровъ настоящія пушки и крѣпости.

Съ самаго начала возстанія, нѣсколько городовъ въ губерніи Шенъ-си пали въ руки дунгеней; въ другихъ же, гдѣ мусульмане жили въ перемежку съ манджурами, они должны были первоначально бороться, чтобы истребить своихъ враговъ; наконецъ, изъ очень многихъ городовъ, гдѣ манджуровъ было много, дунгенямъ пришлось бѣжать. Тамъ, гдѣ возстаніе увѣчивалось успѣхомъ, дунгени оставляли свои семейства на мѣстахъ, подъ покровительствомъ мусульманскаго гарнизона. Тамъ же, гдѣ невозможно было брать съ собою семейства, и чтобы не стѣсняться мірскими интересами, дунгени убивали своихъ женъ и дѣтей, извиняя себя тѣмъ, что онѣ, все равно, попадутъ въ руки невѣрныхъ манджуровъ (*).

Изъ средствъ, собранныхъ при мечетяхъ, составились денежные кассы, назначеніе которыхъ состоитъ въ содержаніи воиновъ, ихъ семействъ и въ расходахъ на продолженіе борьбы съ врагами. Кромѣ того образованы центральные денежные склады, куда поступили часть средствъ изъ каждой мечети и вся добыча, взятая отъ манджуровъ. Въ Илійской провинціи три главные кассы: въ Кульдѣжѣ, Тугусъ-Тагау (урочище на рѣкѣ Или) и Баянцаѣ. Главнѣйшіе денежные склады въ прочихъ мѣстахъ находятся: въ Урумчи, Манасы, Карасу, Куча, Карашарѣ, Хомулѣ, Джаеванѣ и Куну-Турфанѣ.

Хотя, до окончанія священной борьбы, ни у одного дунгеня не должно быть своего состоянія, однако каждый инсургентъ имѣетъ право на полученіе изъ мечети всего ему нужнаго. Ему даются исправная одежда, кольчуга и вообще полное во-

(*) Объ этомъ свидѣтельствовали султанъ Тезекъ и кашгарецъ Сендъ-Ахметъ.

оружіе. Если что испортится, мечеть, при которой находятся много работниковъ изъ дунгений и плѣнныхъ, должна исправить попортившееся. Всѣ семейства дунгелей продовольствуются отъ мечетей. Дунгени имѣютъ общій столъ. Во время боя, за нѣкоторымъ количествомъ воиновъ должны стоять одинъ неспособный носить оружіе и держать два кушанья: одно холодное, другое горячее, чтобы, по первому требованію, имѣть возможность подкрѣпить силы дерущихся. Для раненыхъ устроены большіе госпитали при мечетяхъ, гдѣ лечатъ муллы, имамы и ахуны. Дунгенскіе начальники не пользуются никакими матеріальными преимуществами и получаютъ то же самое, что и простые рядовые. За неповиновеніе старшимъ, виновнымъ отсѣкаютъ головы. Грабежъ тоже строго наказывается. Если, во время боя, дунгень подниметъ съ поля золото, серебро, чужое оружіе или какую-нибудь вещь, его казнятъ на мѣстѣ. Послѣ боя, вся добыча отъ побѣжденнаго непріятеля должна поступить полностью въ кассы (*). Кто куритъ табакъ или опиумъ, или пьетъ вино, наказывается также весьма строго.

Такимъ образомъ, возстаніе дунгений обратилось во что-то похожее на средневѣковой монашествующій орденъ, у котораго, въ рукахъ распорядительной власти, имѣются огромныя матеріальныя средства. Главою дунгений считается Сохунжанъ, сынъ Савуна. Онъ очень храбръ, способенъ, всегда разбиваетъ манджуровъ, а потому, несмотря на свою молодость, пользуется большимъ довѣріемъ между инсургентами. По дѣламъ войны онъ распоряжается самъ, непосредственно; но администрацію инсурекиці вѣдаютъ старики, изъ знаменитѣйшихъ муфтіевъ и ахуновъ, которые и вѣдаютъ всюду за Сохунжаномъ. Послѣ него болѣе всѣхъ уважается, по уму и опытности, старикъ Ажи-Ахунъ, великій ходжа, проведеншій пятнадцать лѣтъ въ Меккѣ, въ молитвѣ. Ажи-Ахунъ управляетъ теперь дѣлами Илійской провинціи.

(*) Начальникъ дунгений въ Илійской провинціи, Ажи-Ахунъ, распорядился, чтобы добыча изъ кумиренъ поступала на содержаніе гробницъ двухъ мусульманскихъ святыхъ и на содержаніе при нихъ сторожей. Одна гробница въ урочищѣ Кургасъ-Тайлы Темиръ-хана; другая, находящаяся между Чавъ-Пандзы и Кульджею, Шейхъ-Магометъ-Седдыка, изъ Медины. При этихъ двухъ могилкахъ живутъ, въ качествѣ сторожей, 200 семействъ.

Въ другихъ мѣстахъ, охваченныхъ возстаніемъ дунгений, изъ мѣдныхъ бурхановъ или изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, находимыхъ въ кумирняхъ, чеканятъ монету.

Вожди дунгений, при началѣ возстанія, оставляли все управленіе краемъ въ томъ же порядкѣ, какъ это было при манджурахъ; только послѣднимъ подстригали усы, въ знакъ того, что начнутся мусульманскіе порядки. Выступая противъ манджуровъ, дунгени возили съ собою важнѣйшихъ изъ императорскихъ чиновниковъ, признавшихъ надъ собою власть инсургентовъ, съ тою цѣлю, чтобы они дрались противъ манджуровъ же. Однако вскорѣ открылось, что чиновники переписываются со своимъ прежнимъ правительствомъ и всячески стараются вредить инсургентамъ. Тогда, по приговору дунгенскихъ старшинъ, имъ всѣмъ отсѣкли головы. Въ настоящее время, по овладѣніи какой-либо страной, дунгени передѣлываютъ все на свой ладъ: всѣ мусульмане сейчасъ же сбрасываютъ съ себя китайскій нарядъ и одѣваются въ сартское платье; китайскія и калмыцкія божницы немедленно разрушаются; дѣтей, безъ различія происхожденія, дунгени отдають въ мечеть на воспитаніе и обращаютъ въ мусульманъ. Кто изъ китайцевъ принимаетъ исламъ — пользуется всѣми правами дунгений; кто остается буддистомъ — обращается въ работника или пастуха. Отъ женщинъ же не требуютъ перемѣны исповѣданія.

Вотъ организація дунгений, такъ, какъ о ней рассказывали намъ нѣсколько азіатовъ, лицъ разнаго состоянія и положенія. Эта организація имѣетъ, впрочемъ, свои слабыя стороны даже въ томъ случаѣ, если предположить, что дѣятельность дунгений будетъ зависѣть только отъ религіознаго возбужденія и останется свободною отъ индивидуальныхъ страстей, играющихъ такую роль въ каждомъ азіатскомъ переворотѣ.

Если народъ поднимается поголовно, то онъ неодолимъ въ оборонѣ и чрезвычайно слабъ въ наступленіи. Милиціи, составленныя подобно дунгенской, изъ большей части мужскаго населенія страны, не бываютъ ни подвижны, ни хорошо дисциплинированы, какъ бы ни было велико воодушевленіе, какъ бы ни были строги законы, наказывающіе ослушниковъ. Къ тому же дунгени должны, по самому свойству возстанія, нападать или обороняться на протяженіи многихъ тысячъ верстъ; слѣдовательно, ихъ усилія должны быть направлены къ достиженію многихъ цѣлей, зависящихъ отъ такого же количества разнообразныхъ мѣстныхъ условій. Нельзя также забывать, что дунгени — аборигены Средней Азіи и должны придерживаться тому способу войны, который всегда существовалъ у здѣш-

нихъ народовъ. Среднеазиатскія войны не похожи на то, что мы привыкли разумѣть подъ словомъ „война“. Онѣ то напоминаютъ переселеніе народа въ территорію непріятеля, то имѣютъ характеръ обширной баранты. Опустошеніе непріятельскихъ городовъ, напольные пожары, гдѣ существуетъ земледѣліе, вытаптываніе пастбищъ, угонъ скота, истребленіе всего, чего нельзя увезти съ собою, избіеніе всѣхъ принадлежащихъ къ враждебной народности, или обращеніе ихъ въ рабство—вотъ средства для среднеазиатской войны. Смотря съ этой точки зрѣнія на послѣднія происшествія въ Китаѣ, можно думать, что сильная бюрократическая организація тамъ, гдѣ дунгеней много или гдѣ они утвердились, ручается за окончательное уничтоженіе манджурской власти; тамъ же, гдѣ буддійскій элементъ значительно сильнѣе, манджурская власть останется такою же сильною, какою она была и до сихъ поръ.

Ходъ возстанія дунгеней во внутреннихъ губерніяхъ Китая неизвѣстенъ; кажется, впрочемъ, что мусульманскіе инсургенты потерпѣли тамъ неудачу. За то вся древняя Джунгарія и весь китайскій Туркестанъ находятся, въ настоящее время, въ ихъ рукахъ. Успѣхи дунгеней начались на сѣверной тьянь-шаньской линіи, послѣ того, какъ мусульманскіе эмисары, а можетъ быть и бѣглецы, прибыли изъ внутреннихъ губерній въ Урумчинскій округъ. Въ корпусъ императорскихъ войскъ, здѣсь расположенныхъ, находилось много офицеровъ и солдатъ изъ дунгеней; слѣдовательно, революціонная пропаганда должна была имѣть успѣхъ. Въ 1864 году, лѣтомъ, предводимые своими офицерами, дунгени взбунтовались противъ манджурскихъ властей, взяли Урумчи и сожгли часть этого обширнаго города (*). При этомъ погибли огромные склады чая (до 30,000 мѣстъ одного байхового чая), такъ какъ изъ Урумчи, главнаго торговаго пункта западнаго Китая, снабжались чаемъ вся Средняя Азія и наши степные рынки. Всѣ манджуры, жившіе въ Урумчи, были убиты (**). Сарты, т. е. всѣ мусульмане недунгени, и не изъ китайскаго Туркестана, жившіе въ Урумчи, оставались равнодушными во время борьбы манджуровъ съ

(*) Въ Урумчи считалось до возстанія, какъ утверждаютъ, до 2,000,000 жителей (вѣроятно, съ окрестностями).

(**) Даже въ официальныхъ свѣдѣніяхъ показано китайскими чиновниками до 130,000 манджуровъ, убитыхъ при штурмѣ Урумчи. Записка г. Захарова.

дунгенями; но послѣдніе заставили ихъ присоединиться къ себѣ угрожая, въ противномъ случаѣ, истребить ихъ.

Изъ Урумчи инсургенты двинулись на западъ къ Манасы. Завладѣвъ здѣсь нѣсколькими орудіями, они продолжали двигаться на Куръ-Кара-Усу. Илійскій дцянъ-дзюнь (генераль-губернаторъ) выслалъ противъ мятежниковъ изъ Кульджи войска, которые были разбиты и отступили, черезъ талкинскій проходъ, къ Баяндаю. Результатомъ этой побѣды было волненіе между илійскими дунгенами и сартами.

Единоновременно съ движеніемъ на Манасы, часть инсургантовъ направилась на югъ отъ Урумчи и, переваливъ черезъ Тянь-Шаньскій хребетъ, вступила въ предѣлы Туркестана.

Для того, чтобы уяснить себѣ, какимъ образомъ связалась религиозная революція дунгеней съ возстаніемъ въ Туркестанѣ, нужно бросить взглядъ на причины, въ зависимости отъ которыхъ сложилась исторія страны, лежащей къ югу отъ Тянь-Шаня.

До IX вѣка, на всемъ пространствѣ Туркестана господствовала буддійская вѣра, проникшая сюда изъ Тибета; но съ тѣхъ поръ мусульманскіе проповѣдники проникаютъ сюда изъ-за Болора и Тянь-Шаня. XIV и XV вѣка замѣчательны появленіемъ въ Средней Азіи многихъ мусульманскихъ учителей, пріобрѣтшихъ въ магометанскомъ мірѣ громкую славу своею святостію. Усиліями этихъ учителей, весь китайскій Туркестанъ, особенно западная его часть, обращенъ въ исламъ. Одинъ изъ нихъ, потомокъ Магомета, хаджа Махтума-Азиямъ, былъ особенно извѣстенъ въ окрестностяхъ Бухары какъ великій подвижникъ вѣры.

Пріѣхавъ въ туркестанскій городъ Кашгаръ, Махтума-Асямъ сталъ скоро предметомъ народнаго обожанія. Это поклоненіе, по азіатскому обычаю, было перенесено и на его сыновей, Ишана-Каляна и Исаака-Вали. Впрочемъ, весьма скоро, соперничество братьевъ, а можетъ быть и различіе во взглядахъ на теологическіе вопросы раздѣлили преверженцевъ Махтума-Азияма на двѣ части: поборники Ишана-Каляна назвались бѣлогорцами, или бѣлошапочниками, а Исаака-Вали — черногорцами, или черношапочниками. Нѣкоторые города восточнаго Туркестана, принимавшіе участіе въ семейномъ раздорѣ хаджей, пріобрѣли въ Средней Азіи извѣстность подъ именемъ Алтышара, шести городовъ. Изъ нихъ Кашгаръ, Аксу

и Ушъ-Турфанъ стояли за бѣлогорцевъ, тогда какъ Яркендъ, Хотанъ и Яныссаръ были поборниками черногорской партіи.

Во второй половинѣ XVII столѣтія вліяніе ходжей въ Алтышаръ было такъ сильно, что бѣлогорская линія овладѣла свѣтскою властію въ Кашгаръ и Яркендъ. Это событіе было началомъ вооруженной борьбы между бѣлогорцами и черногорцами, кончившейся тѣмъ, что Джунгарія подчинила себѣ весь Алтышаръ. Но сила ойратства, въ свою очередь, гибнетъ, когда китайцы вмѣшиваются въ раздоры калмыцкихъ вождей. Овладѣвъ, по истребленіи большей части калмыковъ, Джунгарією, въ 1857 году, китайцы такимъ же кровавымъ путемъ подчиняютъ себѣ, три года спустя, и Алтышаръ. Изъ многочисленной фамиліи ходжей оставались тогда всего два представителя: Сарымъ-Сакъ, бѣлогорецъ, и Назыръ-ходжа, черногорецъ. Послѣ долгихъ странствованій, оба они выбрали мѣстомъ своего пребыванія Коканское ханство, чтобы быть ближе къ Алтышару. Впрочемъ, и въ несчастіи потомки Махтума-Азяма ненавидѣли другъ друга всею силою азіатской родовой вражды. Одинъ изъ потомковъ Сарымъ-Сака, Джангиръ-ходжа, пріобрѣтшій въ Азіи громкую извѣстность, успѣлъ бѣжать изъ Кокана къ дико-каменнымъ киргизамъ и, при помощи ихъ, изгналъ китайцевъ изъ всего Алтышара, но, послѣ первой неудачи, былъ проданъ киргизами, отвезенъ въ Пекинъ и тамъ изрѣзанъ на куски въ 1827 году. Послѣ того бѣлогорскіе ходжи произвели еще три возстанія, кончившіяся обыкновенно тѣмъ, что китайскія войска изгоняли претендентовъ и опустошали Алтышаръ. Возстанія ходжей были: въ 1829, 1847 и 1857 годахъ (*). Когда, такимъ образомъ, шесть западныхъ городовъ Туркестана были театромъ постоянныхъ кровопролитій и безпорядковъ, восточные города: Куча, Хамиль, Карашаръ и Куну-Турфанъ, хотя большею частію состоящіе изъ мусульманскаго населенія, не принимали участія въ спорахъ ходжей и въ ихъ возстаніяхъ противъ Китая. Не-

(*) Пекинскій дворъ платилъ коканскому хану ежегодно по 200 ямбъ за то, чтобы онъ не пускалъ въ Алтышаръ ходжей, преимущественно бѣлогорцевъ. Независимо отъ того, по трактату, заключенному въ 1831 году, въ Пекинѣ, между Китаемъ и Коканомъ, послѣдній получалъ право сбора въ Алтышарѣ пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ туда изъ Средней Азіи, и полицейскую власть надъ всеми иностранцами, пріѣзжающими туда. Такія выгоды заставляли коканскихъ хановъ слѣдить за ходжами и держать ихъ у себя въ почетномъ плѣну.

зависимо отъ другихъ причинъ, это нужно приписать и тому обстоятельству, что сказанные города, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ внутренними губерніями, подчинились вліянію китайской цивилизаціи.

Съ своей стороны и алтышарцы отдѣляли всегда свое дѣло отъ интересовъ прочаго мусульманскаго міра Китая. По свидѣтельству Валиханова, во время возстаній въ Алтышарѣ, дунгени рѣзали наравнѣ съ манджурами и китайцами; а дунгени и мусульмане восточныхъ городовъ Туркестана служили въ императорскихъ войскахъ, возстановлявшихъ порядокъ въ шести городахъ. Такимъ образомъ, при Джангиръ-ходжѣ, когда вся Средняя Азія, до Бухары и Кундуза, принимала живое участіе въ святомъ дѣлѣ ходжей, дунгени держали сторону манджуровъ; а чиновникъ, сломившій окончательно знаменитаго ходжу, былъ родомъ изъ Куну-Турфана.

Такимъ образомъ, если бы китайскій Туркестанъ былъ предоставленъ самому себѣ, онъ распался бы на три части: бѣлогорскую партію, черногорскую и на восточные города, которые составили бы свое мусульманское государство.

Лѣтомъ 1864 года, дунгени, перейдя черезъ Тянь-Шань, двинулись по направленію на Куча. Соединившись въ кучинскомъ округѣ съ мусульманами и дунгенами, служащими въ расположенныхъ здѣсь войскахъ, они овладѣли городомъ и опять перерѣзали всѣхъ манджуровъ. Тѣмъ изъ туземныхъ мусульманъ, которые оставались равнодушными къ дѣлу дунгени, было предложено на выборъ: либо пристать къ сторонѣ инсургентовъ, либо испытать участь манджуровъ. Конечно, власть дунгени была признана. По взятіи Куча, главнымъ начальникомъ округа и города дунгени назначили Хана-ходжу, одного изъ династіи ходжѣевъ, черногорской линіи. (*)

Усилившись мусульманскимъ населеніемъ восточной части Туркестана, дунгени двинулись на Аксу. Разбивъ здѣсь манджурскія войска, инсургенты взяли городъ и цитадель. Аксу очень важный стратегическій пунктъ, потому что здѣсь пересѣ-

(*) Генеральнаго штаба капитанъ Щетининъ допрашивалъ одного таранчи, доставленнаго калмыками на нашу границу. Какъ изложено въ рапортѣ Щетинина, отъ 6-го іюля 1865 г., таранчи показалъ, что былъ посланъ въ конвой дунгеньскихъ чиновниковъ, ѣхавшихъ изъ-подъ Баяндай къ дунгеньскому начальнику въ Урумчи, Нюргондѣ-Ахуну, съ просьбою о помощи. Послѣдній отказалъ, такъ какъ были свѣдѣнія, что къ Урумчи, изъ внутреннего Китая, подвигались манджурскія войска. Это было въ концѣ 1864 года.

наются пути изъ Кульджи, Кашгара, Хотана и Кучи. Занявъ Аксу, дунгени подчинили и этотъ городъ Хану-ходжѣ, а сами направились на Яркендъ. Должно быть, сопротивление, оказанное здѣсь, было еще слабѣе, такъ какъ Яркендъ былъ всегда сторонникомъ черногорской партіи.

Вѣроятно, судьба прочихъ туркестанскихъ городовъ постигла бы Кашгаръ и Хотанъ, если бы манджурскіе гарнизоны этихъ городовъ не были, до времени, спасены какимъ-то извѣстіемъ тревожнаго свойства, полученнымъ дунгеними въ Яркендъ. Отсюда они поворотили на сѣверъ и, оставивъ гарнизоны въ завоеванныхъ городахъ, подъ начальствомъ Хана-ходжи, сосредоточились въ Урумчи.

Вѣроятно, около этого времени произошло возстаніе и въ Хамилѣ; покрайней мѣрѣ въ половинѣ 1865 года манджурская власть тамъ не существовала.

Почти въ то же время, пользуясь неурядицею въ Коканѣ, бѣжалъ изъ Андиждана жившій тамъ прежде Бзрукъ-ханъ, сынъ знаменитаго Джангира-ходжи. Его сопровождалъ бывшій коканскій комендантъ Акъ-Мечети (нынѣ фортъ Перовскій) Юсуфъ-бекъ, человѣкъ смѣлый и предприимчивый. Хотя Бзрукъ-ханъ не имѣлъ съ собою войскъ, но его имя было до такой степени популярно въ Кашгарѣ, что могло частію замѣнить матеріальную силу (*). Бзрукъ-ханъ со своимъ товарищемъ зажгли городъ съ разныхъ сторонъ и вѣхали въ улицы Кашгара, наполнившіяся народомъ. Узнавъ Бзрукъ-хана, кашгарцы возстали и осадили манджурскую цитадель Гюль-Багъ (розовый садъ). Въ сентябрѣ 1865 года, значительный манджурскій гарнизонъ цитадели положилъ оружіе, и ему дарована жизнь, подъ условіемъ обращенія въ мусульманство.

Ханъ-ходжа, черногорецъ и дунгенскій намѣстникъ въ остальныхъ городахъ Туркестана, узнавъ о происшествіяхъ въ Кашгарѣ, потребовалъ, чтобы Бзрукъ-ханъ подчинился дунгенимъ. Получивъ отказъ, онъ двинулся съ войсками изъ Яркенда къ Кашгару. Бзрукъ-ханъ вступилъ съ ними въ переговоры; говорилъ, что имъ, ходжамъ, не приходится ссориться

(*) Братъ Бзрукъ-хана, Валиханъ-Тюре, произведшій возстаніе въ Кашгарѣ въ 1857 году, успѣлъ поднять народъ къ бунту крикомъ: „да здравствуетъ Бзрукъ-ханъ!“ хотя послѣдній не принималъ участія въ сумасбродномъ предпріятіи своего брата. „Когда Бзрукъ-ханъ сядетъ на коня, Алтышаръ будетъ свободенъ“, утѣшали себя кашгарцы послѣ неудачи 1857 года.

въ такое время. За то же, что Ханъ-ходжа потрудился приходить, Барукъ-ханъ предлагалъ 200 ямбъ. Ханъ-ходжа требовалъ Кашгара. Начался бой, кончившійся совершеннымъ разбитіемъ Хана-ходжи, который бѣжалъ въ Яркендъ и хотѣлъ тайно пробраться въ этотъ городъ; однако онъ былъ узнанъ дунгенскимъ гарнизономъ Яркенда и остановленъ. Дунгени обѣщали оборонять городъ противъ Барукъ-хана до послѣдней крайности, а Хана-ходжу отправили въ Куча за поддержаніями. Скоро значительное кашгарское войско подошло къ Яркенду. Атакованное нѣсколькими сотнями фанатическихъ дунгеной, оно было разбито наголову, а Барукъ-ханъ попался въ плѣнъ. Это было въ октябрѣ 1865 года. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ въ китайскомъ Туркестанѣ мы не имѣемъ.

Въ Кульдѣжѣ возстаніе вспыхнуло въ августѣ 1864 года (*). Рѣзня на улицахъ города продолжалась двѣнадцать дней и кончилась тѣмъ, что плохо вооруженные дунгени бѣжали изъ города въ Старую Кульджу и въ поселенія таранчей (**). Первая неудача дунгеной имѣла важныя послѣдствія, отсрочившія паденіе Кульджи. Китайцы собственно, предполагая дѣло дунгеной проиграннымъ, стали энергически поддерживать манджуровъ. Поддержанный такимъ образомъ дцянъ-дзюнъ выступилъ съ войсками противъ дунгеной, укрѣпившихся въ Старой

(*) Вотъ какъ рассказываютъ о послѣднемъ поводѣ къ возстанію: когда на востокъ дунгени одержали нѣсколько успѣховъ, изъ Пекина, въ видахъ предупрежденія, было разослано секретное приказаніе истребить всѣхъ дунгеной. Получивъ это приказаніе, кульдѣжскій дцянъ-дзюнъ собралъ на совѣтъ важнѣйшихъ чиновниковъ Илійской провинціи. Пока сановники разбирали предложенный вопросъ, ихъ подслушалъ слуга дцянъ-дзюна, дунгенъ по происхожденію, который и поспѣшилъ дать знать своимъ единоплеменникамъ о грозящей имъ опасности. Дунгени стали открыто готовиться къ возстанію. Слухи о причинахъ, заставившихъ дунгеной волноваться, дошли до дцянъ-дзюна. Желая успокоить ихъ, онъ самъ отправилъ въ мусульманскую мечеть; но тутъ дунгенскіе старшины надѣлали ему грубостей. Въ тотъ же день началась уличная рѣзня.

(**) Таранчами (отъ слова таранчъ — просо) называютъ полурабовъ, выселенныхъ манджурами изъ Алтышара въ опустошенную Джунгарію, послѣ покоренія облакъ этихъ, сторонъ, т. е. около 1759 года. Тогда выселено было до 8,000 семействъ алтышарцевъ. Таранчи имѣли право поднимать столько земли, сколько могли обработать; за то они были обложены непомерно-большими податями. Семейство, состоящее изъ четырехъ членовъ и мѣтѣ, обязано было платить ежегодно 32 мѣшка проса (въ мѣшкѣ около 5 пудовъ) подати; семейство, состоящее изъ 4—8 членовъ, платило 64 мѣшка проса; изъ 8—16 членовъ 120 мѣшковъ, и т. д. Содержаніе каждаго китайскаго солдата стоитъ (по цѣнѣ) 32 мѣшка проса. Такимъ образомъ, 8,000 семействъ таранчей содержали 8,000-й корпусъ манджуровъ — постоянная цѣра войскъ въ окрестностяхъ Кульджи, въ мирное время.

Кульдѣ, но былъ разбитъ наголову, потерялъ всю свою артилерію и едва спасся въ кульджинскую цитадель. Послѣ этой побѣды, всѣ таранчи пристали къ инсургентамъ. Дунгени заняли Кульджу и стали блокировать цитадель.

Повсемѣстные успѣхи дунгений по обѣ стороны Тянь-Шаня отразились на судьбѣ Илійской провинціи. Занятіемъ Куръ-Кара-Усу въ Джунгаріи и Аксу въ Туркестанѣ дунгени отрѣзали Кульджу отъ Пекина (*). Пользуясь тѣмъ, илійскіе дунгени получили возможность управиться съ манджурами и безъ поддѣржекъ изъ Урумчи. Отряды ихъ постепенно отнимали у манджуровъ второстепенные города Илійской провинціи, потомъ овладѣли крѣпостями: Тургенъ, Чанъ-Пандзы и Баяндаемъ. Въ послѣдней крѣпости инсургенты нашли огромные запасы провіанта.

Въ частыхъ сшибкахъ, происходившихъ въ Илійской провинціи между дунгениями и манджурами, въ теченіе всего 1865 года, послѣдніе теряли болѣе и болѣе свои силы. Чанпаны, ссыльные, бывшіе всегда лучшею китайскою милиціею, разбѣжались. Сибо и солоны перешли на сторону дунгений и были пощажены, подъ условіемъ принятія мусульманства (**). Очитивъ всю страну отъ манджуровъ, дунгени принялись за блокаду кульджинской цитадели, веденной до тѣхъ поръ не непрерывно. Осенью 1865 года, гарнизонъ крѣпости, терпѣвшій

(*) Кульджа можетъ сообщаться съ Пекиномъ: 1) черезъ проходъ Талинъ, по большой дорогѣ на Куръ-Кара-Усу, и 2) черезъ проходъ Музартъ, по дорогѣ изъ Сайрама, въ Куча. Съ занятіемъ инсургентами сѣверной и южной тянь-шаньскихъ линій, всякое сообщеніе Кульджи съ внутренностію Китая было отрѣзано. Тогда илійскій джянъ-дзюнь сталъ сноситься съ Пекиномъ слѣдующимъ образомъ: онъ посылалъ на Талинскій проходъ; но, перевалившій черезъ хребетъ Талинъ-Даба, курьеры поворачивали не на Куръ-Кара-Усу, а къ восточному берегу озера Сайрамъ-Норъ, и, черезъ горный проходъ между Алату и Барлыкъ, вступали въ предѣлы Россіи. Отсюда китайцы ѣздили къ Усть-Каменогорску, озеру Норъ-Зайсану и, землями калмыковъ-дурбатовъ, въ Кобдо. Другой путь былъ еще безопаснѣе. Изъ Кульджи китайцы ѣздили въ укр. Вѣрное, оттуда, на почтовыхъ, до Пртыма и т. д.

(**) При колонизаціи Джунгаріи, въ XVIII столѣтіи, поселены были въ окрестностяхъ Кульджи манджурскія племена сибо и солоны, переведенныя сюда съ береговъ Амура. При поселеніи, имъ дана полувоеенная организація, такъ что ихъ довольно вѣрно можно назвать китайскими казаками. Для успѣха дальнѣйшей колонизаціи, постановлено, чтобы Илійская провинція была мѣстомъ постоянной ссылки преступниковъ внутри Китая. Ссыльныхъ называли чанпанами. Во время возстаній ходжей въ Алтышарѣ, чампанская милиція отличалась большою храбростію, и китайцы всегда рассчитывали на нее въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

крайній недостатокъ въ топливѣ и соли, предлагалъ сдать цитадель, прося только пощадить ему жизнь. Дунгени отказали и требовали безусловной сдачи. Ко времени нашего отъѣзда изъ степей кульджинская цитадель находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи.

Несмотря на то, что по системѣ рѣки Эмиля живетъ только незначительное число дунгеной, возстаніе нашло отголосокъ и въ Чугучакѣ. Повсемѣстные беспорядки заставили манджуровъ и дунгеной этого города быть насторожѣ другъ противъ друга. Тѣмъ не менѣе, общественное спокойствіе не нарушалось до 1865 года, вѣроятно потому, что дунгеной въ Чугучакѣ немного. 15-го января этого года (т. е. въ новый государственный годъ) дунгени предложили манджурскимъ чиновникамъ отправиться въ мусульманскую мечеть и здѣсь принести обоюдную присягу въ томъ, что манджуры не предпримутъ ничего враждебнаго противъ дунгеной, и наоборотъ. Комендантъ крѣпости (хебе-амбанъ) и другой генералъ (амбанъ), пріѣхавшій изъ Кульджи, чтобы смѣнить его, приняли предложеніе дунгеной. Съ амбанами явились въ мечеть восемь калмыцкихъ старшинъ, пріѣхавшихъ, по издавна-принятому обычаю, поздравить властей съ новымъ годомъ, и всѣ важнѣйшія лица Чугучака. Заманивъ ихъ въ мечеть, дунгени бросились въ цитадель, овладѣли оружіемъ и порохомъ и стали убивать манджуровъ. Старикъ хебе-амбанъ, сопротивляясь арестовавшимъ его дунгенямъ, былъ убитъ въ мечети; калмыцкіе старшины пощажены потому, что поклялись принять мусульманство; большинство чиновниковъ перебито. Два дня продолжалась рѣзня на улицахъ Чугучака; однако, благодаря энергіи молодаго амбана, спасагося изъ мечети, манджуры успѣли запереться въ крѣпости. Дунгени начали осаду, устроивъ главный свой складъ въ мечети.

Чугучакъ—единственное значительное поселеніе къ сѣверу отъ хребта Барлыкъ—окруженъ кочевьями разныхъ киргизскихъ и калмыцкихъ племенъ. Слѣдовательно, успѣхъ или неудача одной изъ борющихся сторонъ зависѣли отъ участія, которое примутъ номады въ борьбѣ. Понимая это, дунгени, оставшись хозяевами Чугучака, отдали его на разграбленіе киргизамъ князевскаго и байджитгитскаго родовъ. Съ тѣхъ поръ окрестныя киргизскія племена стали на сторонѣ своихъ одновѣрцевъ—дунгеной. Какъ только роль киргизовъ обозначилась, исконные враги послѣднихъ—калмыки—примкнули къ манджу-

рамъ. Вслѣдствіе того борьба правительства съ чугучакскими дунгенями перешла въ аулы кочевниковъ. Почти весь 1865 годъ продолжалась обширная баранта между киргизами и калмыками, пока послѣдніе не взяли рѣшительнаго перевѣса. Тогда положеніе осажденныхъ измѣнилось. Чугучакская цитадель, начинавшая уже терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, наполнилась стадами овецъ, пригнанныхъ сюда сильными отрядами калмыковъ, торгоутовъ и дурботовъ. Гарнизонъ увеличивался съ каждымъ днемъ, дѣлалъ непрерывныя вылазки и, въ свою очередь, заставилъ дунгеней принять оборонительное положеніе. Инсургенты укрѣпились въ мечети, предварительно сложивъ въ нее множество запасовъ.

Пользуясь такимъ оборотомъ дѣлъ, хебе-амбанъ приказалъ калмыку Кегеню истребить банджигитовъ, стоявшихъ тогда на осеннихъ стойбищахъ у рѣки Хатынь-су, на нашей територіи. Кегень—буддистское духовное лицо, пріобрѣтшій, во время взаимной баранты киргизовъ съ калмыками, репутацію великаго батыря. Въ ночь съ 23-го на 24-е октября прошлаго года, Кегень, предводя значительнымъ отрядомъ калмыковъ и манджуровъ, напалъ неожиданно на байджигитовъ, овладѣлъ ихъ аулами и, исполняя буквально приказаніе хебе-амбана, началъ поголовное избіеніе беззащитныхъ киргизовъ. Кто успѣлъ, спасался куда глаза глядятъ, не думая объ имуществѣ. Три дня продолжался канибальскій пиръ калмыковъ. Все, что можно было увезти, калмыки брали съ собою; что было неудобно для перевозки, они складывали въ костры и сжигали. Отъ однихъ байджигитовъ-мамбетевцевъ отобрано Кегенемъ 100,000 барановъ, 6,000 рогатаго скота, 1,300 лошадей и 600 верблюдовъ (*).

Это былъ рѣшительный ударъ дунгенскому дѣлу въ Тарабагатайскомъ округѣ. Съ тѣхъ поръ никто изъ киргизовъ не

(*) Только 26-го октября кончились грабежъ и избіеніе киргизовъ. Калмыки отошли къ Чугучаку, оставивъ на мѣстѣ побоища болѣе 3,000 труповъ, 200 разрезанныхъ, но несѣдненныхъ барановъ и 1½ тысячи собакъ, принадлежавшихъ уничтоженнымъ киргизскимъ ауламъ. Съѣвъ трупы своихъ бывшихъ хозяевъ и обглодавъ ихъ кости, собаки стали бѣситься отъ голода. Стаи отоцавшихъ собакъ, рыскавшихъ между Урджаромъ и Чугучакомъ, были такъ велики и дерзки, что въ декабрѣ провозъ у Хатынь-су сталъ невозможенъ для одиночнаго всадника. (Донесеніе сергіопольскаго окружнаго начальника за № 22.) Послѣдующія оффиціальныя донесенія низводятъ цѣну киргизовъ, убитыхъ на нашей територіи, всего до 300 человекъ.

снѣтъ думать о подачѣ имъ помощи. Когда мы уѣзжали изъ города Сергіополя, дунгени, засѣвшіе въ мечети, были осаждены манджурами, рѣшившимися выморить ихъ голодомъ.

Чугучакъ—единственный пунктъ, гдѣ дунгени, вѣроятно, потерпѣть неудачу.

Недѣлю назадъ, я получилъ письмо изъ Семипалатинской области, въ которомъ сообщается, что дунгени, при штурмѣ кульджинской цитадели, истребили всѣхъ манджуровъ, и что большая часть Кульджи сгорѣла. Куда дѣвался дцянъ-дзюнъ, пока неизвѣстно.

По взятіи кульджинской цитадели, въ рукахъ манджурскихъ властей Илійской провинціи осталось всего три пункта, въ томъ числѣ Ляу-Сагунъ, чрезвычайно важное укрѣпленіе въ Талкинскомъ проходѣ, лежащее около озера Сайрамъ-Нора.

Положеніе дѣлъ въ Тарабагатайской провинціи и Малой Бухаріи въ настоящее время такое же, какое было четыре мѣсяца тому назадъ.

Изъ этого обзора дунгенскаго возстанія видно, что еще къ концу 1865 года власть манджуровъ была уничтожена на огромномъ пространствѣ отъ Томской губерніи до Тибета и отъ нашей юго-восточной границы до истоковъ Желтой рѣки.

Взвѣсивая изложенные выше факты съ современнымъ состояніемъ правительства въ Китаѣ, невольно сомнѣваешься въ томъ, чтобы манджурская династія была въ состояніи когда-нибудь возстановить, безъ помощи извнѣ, свою власть въ Джунгаріи и въ китайскомъ Туркестанѣ. Весьма вѣроятно, что мы присутствуемъ теперь при распаденіи на двѣ части того огромнаго политическаго тѣла, которое занимало еще такъ недавно весь центръ и востокъ Азіи. Въ то время, какъ все пространство отъ Великой Стѣны на западъ до нашей границы фанатически предано мусульманству, въ другой части—восточной—существуетъ полнѣйшее равнодушіе ко всякаго рода религіямъ.

Подобное радикальное различіе вѣрованій въ Азіи вело всегда къ различію государственнаго строя. Прежде философскія системы, господствующія въ Китаѣ, служили, въ рукахъ пекинскаго правительства, средствомъ къ окитанію полудикихъ непріятелей Серединной имперіи. Теперь этимъ философскимъ системамъ, вмѣсто неопредѣленныхъ и никого неудовлетворявшихъ языческихъ вѣрованій, приходится бороться съ чрезвы-

чайно живучимъ и сильно-прививающимся магометанствомъ, сломить которое едва-ли возможно. Ученіе Магомета до такой степени просто, такъ подходитъ къ естественному пониманію азіятовъ, такъ удовлетворяетъ ихъ, что, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не было еще примѣра обращенія мусульманскаго народа въ какую бы то ни было религію.

Съ другой стороны, возможность распаденія Китая, помимо огромнаго политическаго значенія, которое этотъ фактъ можетъ имѣть для насъ, русскихъ, подѣйствуетъ самымъ неблагоприятнымъ образомъ на интеллектуальныя силы нашихъ сосѣдей. Если бы такое распаденіе случилось, то западныя области Китая купятъ свою независимость цѣною преданности мусульманству, а послѣднее въ Средней Азіи равносильно запустѣнію странъ и городовъ, уничтоженію всякихъ признаковъ цивилизаціи, паденію всѣхъ производительныхъ силъ народа и глубокому его невѣжеству.

А. К. ГЕЙНСЪ.